

М. ПАВЛОВ

А. Ахматова. Anno Domini MСMXXI

Самый чистый, самый волнующий из всех голосов современной поэзии — и может быть самый человеческий — это голос Анны Ахматовой. «Лица» не надо искать в ее книгах, но зато смотрит на нас прекрасное, опаленное, гордое и горькое женское лицо. Ахматова зорко вглядывается в мир, подмечая его мелочи, но она умеет слышать и шум сталкивающихся стихий. И война, и революция обожгли ее лицо, но нам рассказывается не о самом пожаре, а о том, как языки пламени легли на каждую вещь, на каждый день современности.

Но вся сила и вся слабость Ахматовой в том, что она замкнута в круг женских переживаний.

В дни революции брат сказал ей:

. . . . . настали
Для меня великие дни,
Теперь ты наши печали
И радость одна храни.
Как будто ключи оставил
Хозяйке усадьбы своей...

Мужчина пошел делать «великое» дело, женщина осталась хранительницей. Этот женский консерватизм живет во всех Ахматовских стихах.

Женщине оставлена молитва и колыбель ребенка.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу.
Подарили белый крестик
Твоему отцу...
Было горе, будет горе,
Горе без конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

Ахматовой досталась горькая и высокая доля быть русской женщиной XX века.

Ей пришлось узнать, что

Любит-любит кровушку
Русская земля...

что наш век

к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не смог.

И пусть ей кажется порой, что «мир больше не чудесен», из этой голодной окровавленной земли она не хочет уйти. Самая речь об уходе кажется ей «недостойной». С горьким упреком она говорит отступнику:

Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи...

Для Ахматовой характерен эпитет «православную». Она любит устоять во всем. Ей жаль отлетающего от русской церкви «сурового духа византийства».

В поэме: «У самого моря» девушка говорит царевичу:

Боже, мы мудро царствовать будем,
Строить над морем большие церкви
И маяки высокие строить.
Будем беречь мы воду и землю...

За последнее время много говорили об Ахматовой, как о схимнице русской поэзии, и проглядели за крестами и поклонами — прирожденную бережливую хозяйку земли. Отсюда (хозяйский глаз зорок) и необыкновенное умение поэта подмечать всякую мелочь, всякую вещь, знать место вещи.

Но все вещи приобретают настоящую жизнь только тогда, когда приближается «царевич». Женщина у Ахматовой раба любви. Она принимает любовь как что-то изначальное, непреложное:

Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить.

Такая любовь заставляет быть «смиренной», такая любовь не может быть счастливой, т. к. весь мир закрывается лицом любимого.

Не случайно поэт выбрал эпитафию из Гумилева:

Мир — лишь тень от лика друга,
Все иное — тень его.

Женщины должны особенно нежно и благодарно любить стихи Ахматовой: она сказала за них — безъязыких — об их темной пассивной муке.

Но Ахматова указала женщине и путь освобожденья. Это путь творчества. Невольница делается царицей.

А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

И тогда мир открывается, мир сам начинает говорить прямо с душой, а не через «лик друга»:

Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Обе последние книги Ахматовой не вносят нового в ее сложившийся облик.

Только все строже и строже делаются черты когда-то «дерзкой, злой и веселой».

Жаль только, что в нескольких местах замечается у поэта небрежность рифм при строгом строе стиха, например:

А сим распутницам, сим грешницам любезным
Неведомо объятье рук железных...

Есть это и в «Колыбельной» (огромном — темной).

Обе книги изданы хорошо; особенно приятен формат Anno Domini MCMXXI.

